Л.И. Сизинцева

НАДВЯЗАННОЕ: ИВАН РЯЗАНОВСКИЙ – КОСТРОМСКОЕ «ЭХО» СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Виктору Николаевичу Бочкову,
первому биографу И.А. Рязановского

«В начале шестидесятых на костромских улицах еще встречали легкую, быструю в движениях старушку, – писал И.А. Дедков в конце семидесятых годов XX века, когда ***то время*** уже стало историей. – Александра Петровна Рязановская жила в доме для престарелых, за Волгой. Моста тогда не было, до пристани далековато, но она любила бывать в городе, наведываться в архив под своды бывшего Богоявленского монастыря. Там у нее были благодарные слушатели, она рассказывала о муже и его друзьях, она тоже как могла, ***надвязывала*** (везде выделено мной. – *Л.С.*»[1].

Образ истории как ткани или вязаного полотна, где важно не потерять нить, вовремя подхватить петлю. Надвязывала – вслед за мужем, Иваном Александровичем Рязановским, который был «нужный человек. Знающий, потому и нужный. Из тех, кто связывает времена: не хотят, чтобы историческая ткань поползла»[2].

Среди благодарных слушателей из числа архивистов начала шестидесятых, в первую очередь, придется вспомнить Виктора Бочкова[3]. Ему, эрудиту и книгочею, в отличие от большинства были знакомы хотя бы некоторые имена из тех, что упоминала Александра Петровна. Многие ли из архивистов, да и вообще – из костромичей – в ту пору слышали запрещенные или забытые имена А. Ремизова, Е. Замятина, С. Чехонина, Г. Лукомского, Ф. Сологуба, Р. Иванова-Разумника, Д. Философова и других, которых знавала старушка?.. Более-менее знали оставшихся в России Б. Кустодиева и М. Пришвина.

Молодой архивист смог понять, к какому пласту культуры допустила его судьба. Через него вдова передала в костромской архив остатки семейных документов и переписки, не приглянувшиеся в свое время сотрудникам Государственного литературного музея и Третьяковской галереи. На основании этих материалов, используя рассказы Александры Петровны, он подготовил в 1960 году свою первую газетную краеведческую публикацию о доме Рязановских на проспекте Текстильщиков (д. 20), которая затем превратилась в большую статью для сборника[4]. А потом к каждой памятной дате снова и снова напоминал костромичам об этом человеке и его знаменитых друзьях. Он тоже – ***надвязывал***. И теперь главное – не потерять нить…

В фонде И А. Рязановского, хранящемся в костромском архиве, есть следы его пристального интереса к своей дворянской материнской линии – шесть поколений, восходящих к Максиму, известному со времен Петра Первого, и его сыну Исааку Максимовичу, малороссийскому шляхтичу[5]. Сохранился карандашный портрет деда, Ивана Марковича Нечая[6], и его наградные документы времен Крымской кампании, материалы о службе прадеда, современника Пушкина, Марка Васильевича, и свидетельство о его принадлежности к дворянскому сословию[7]. Были в роду матери, Любови Ивановны Нечай, и горные инженеры, и воины.

Гораздо меньше сохранилось свидетельств об отцовской линии. Весной 1918 года в послужном списке И.А. Рязановского указано: «из потомственных дворян Ярославской губернии»[8]. И только в замечательном этюде А. Ремизова «Россия в письмах. Львовая печать иерея Андрея»[9] говорится о большесольских родных Рязановского. Рукопись уникальна – автограф с авторской правкой. Увы, нет под рукой «России в письменах» (ни берлинского, ни Нью-Йоркского изданий[10]), чтобы проверить, опубликована ли эта миниатюра. В основе повествования – рассказ И.А. Рязановского о семье деда по отцу, повод к чему подала «печать на тоненькой сердоликовой

© Л.И. Сизинцева, 2008

ножке»:

Самая печать серебряная.
Вверху л е в о т д ы х а ю щ и й.
А подо львом две готические литеры:
А. Р.
И сие нужно толковать вразумительно:
– Андрей от льва произошел дьякона –
Вот почему вверху и лев[11].

В повествовании подробнейшим образом прослеживается судьба большесольских родственников И.А. Рязановского, и сурового деда, протоиерея Андрея Львовича, окончившего свой век в богадельне, и всех его дочерей и сыновей, большей частью не оправдавших надежд отца.

Старший из них, отец Ивана Александровича – Александр Андреевич,отказался от духовной карьеры (ценой отцовского проклятия), поступил в ярославский Демидовский лицей, но курса не кончил. «Выгнанный отцом, маялся Александр в Демидовском лицее, хорошо учился, но, боясь умереть с голоду, вышел, не кончив последнего курса, и поступил в Уголовную палату писцом. Усидчивость же, здоровье и плебейская гордость сломали все: через три года он уж был назначен без всякой протекции "за деловитость и честность" стряпчим в костромской Солигалич. А из Солигалича "переманили" его в акцизное ведомство, и он пошел по чиновной дороге ровными шагами»[12].

Александр Андреевич служил по Управлению акцизными сборами, отделение которого распространяло свою деятельность на Ярославскую и Костромскую губернии. Документов сохранилось немного, но из них понятно, что семья переезжала из одного города в другой – Солигалич, Макарьев, Варнавин. Должности и чины были небольшие: письмоводитель, бухгалтер, стряпчий[13].

К тридцатипятилетию службы был он награжден орденом Владимира IV степени – самым малым, что только было возможно[14]. Вероятно, препятствовал карьерному росту крутой нрав, доставшийся от отца Андрея («недаром лев изображен на его серебряной печати»[15]). «Требовательный к себе, Александр Андреевич был жесток ко всем окружающим. Рука его жестоко давила подчиненных. Жалости он не знал – никому никакого снисхождения. Всех давил он одинаково, давил и единственного сына Ивана. Ласка и нежность были не сродны его суровой и жесткой душе. Единственно питал он слабость к смелости, твердости и трудолюбию, а все эти качества были не свойственны его подчиненным»[16].

Замкнулась и ушла в воспитание сына жена, Любовь Ивановна, не вынесшая жестокости и деспотизма – «светлый луч, сверкнувший на мгновенье в его жизни»[17]. Семья жила «от двадцатого до двадцатого», – от одной выдачи жалования до другой. Александру Андреевичу «ничего не осталось в жизни, кроме акцизного дела, все остальное не удалось»[18].

Сын Александра Андреевича и Любови Ивановны появился на свет в городе Варнавине Костромской губернии, 6/20 августа 1869 г. «Бледный и мечтательный сын его Иван, больной и молчаливый, пугался отца до обмороков и делался при нем тупым и неповоротливым. А как бойко рассказывал он, охватив руками шею матери и глядя в васильковые глаза ея про гимназию, про учителей, про чудесные путешествия из прочитанных книг»[19].

Борьбу за душу сына выиграла мать – самолюбивый отец отступил. «И она, поверенная его радости и горя, всего житейского пути его, участница всех отроческих мечтаний и надежд, с мстительностью чисто женской старалась внушить сыну ненависть к жестокому отцовскому племени и развить другие, рыцарские чувства»[20]. Вероятно, этим и объясняется молчание рязановских архивов о большесольской ветви этого рода.

Много позже И.А. Рязановский вспоминал: «Уединенное, замкнутое детство наложило отпечаток на всю мою жизнь: я жил без людей, одиноко, замкнуто, привык проводить все время в чтении и работе»[21]. Но именно в одиночестве раскрывалась и вызревала неповторимая личность. Чтение стало его страстью, значительной частью детского мира. Но и местное сообщество тоже заметно повлияло на его развитие.

Варнавинский уезд был восточной окраиной Костромской губернии, город Варнавин – одной из самых удаленных точек от губернской столицы – 281 верста. Дальше только Ветлуга и Урень – за 300 верст. Но именно благодаря удаленности и малонаселенности края сюда устремились старообрядцы, убегая от правительственных гонений. Более половины всех старообрядцев губернии (8 тысяч из 12) в середине XIX века спасалось в темных варнавинских лесах[22]. Вместе с собой они уносили дониконовского издания книги, иконы старинного письма, дорожные литые складни – остатки Древней Руси, которая звучала в старин-

ных напевах раскольничьих молелен, пахла ладаном из глиняной кацеи. От них мальчик воспринял тонкое понимание древнего бытового уклада, стал его ценителем и знатоком.

Само же правительство Российской империи выслало в эту глушь поляков, принимавших участие в восстании против русского владычества в 1863 г. Уже в советские годы, на шестом десятке, И.А. Рязановский вспоминал о детстве: «Бывшие тогда в ссылке ксендзы, один Вышинский, а другого фамилию забыл, которые бывали у отца, выучили меня по-польски, по-латыни, по-французски и давали мне книги для чтения на этих языках. С их помощью я приготовился и успешно выдержал экзамены в классическую гимназию, где и прошел полный курс, сначала в Нижнем Новгороде, а потом в Костроме, куда отца перевели на службу»[23].

Можно предположить, что ксендзы передали ему не только знание языков, но и основы европейской культуры. Таким образом, пересеклись российская дворянская, европейская польская, «допетровская» старообрядческая традиции. Оказавшись на границе таких контрастных полей, И.А. Рязановский вырос с умением быть «внутри» и в то же время видеть «снаружи» все разнообразие культур, с которым ему пришлось сталкиваться в течение его жизни.

Окончив гимназию, Иван Рязановский, как и отец, устремился в мечтах к столицам, и даже поступил в Императорский Московский университет на медицинский факультет. А там было неспокойно: в 1890 годы на ряд университетских контрреформ студенчество ответило волнениями. Вспоминая об этом периоде жизни незадолго до смерти, Иван Александрович писал, что «самый характер мой не давал возможность мне выступить на путь общественности или примкнуть к какой-либо организации, так что я был совершенно в стороне от жизни, причем, однако, чувство товарищества заставило меня принять участие в московских студенческих беспорядках, за что и был выслан в Кострому из Москвы»[24]. Чуть выше он указывал иную причину ухода из университета: «недолго пробыв, заболел: у меня отнялась правая нога, и я перешел в Ярославский Демидовский лицей»[25].

В.Н. Бочков, знавший, вероятно, от А.П. Рязановской, многое о юности ее мужа, о знакомстве его в 1880 годы с публицистом народнической ориентации В.В. Берви (Флеровским)[26], отбывавшем ссылку в Костроме, сопоставил эти сведения. Он пришел к выводу, что молодой костромич «принимал участие в противоправительственных выступлениях, за что был выслан из Москвы к отцу, служившему тогда в Ярославле. Университет пришлось оставить, как и мечту о получении высшего образования в столицах. От всех переживаний Рязановского постиг нервный удар – отнялась правая нога, плохо действовала рука. Способность передвигаться потом восстановилась, но он остался инвалидом на всю жизнь»[27].

В послужном списке записано: наказаниям, соединенным с ограничениями по службе «не подвергался и не был оставлен в подозрении по преступлениям, влекущим за собою ограничение прав»[28]. В личном листке ответственного работника в 1925 году И.А. Рязановский написал: «Ни в каких партиях не был»[29]. Возможно, удар был следствием не только нервного потрясения, но и общего утомления. Гимназист и студент Иван Рязановский не только учился, но и зарабатывал себе на жизнь уроками: «старался жить на свой заработок. Когда его не хватало, помогал отец, который также платил за ученье»[30].

Интерес к юриспруденции вообще был характерен для молодежи пореформенного времени, надеялись на построение того, что сегодня называют «гражданским обществом», и для этого шли в новую, реформированную систему российского права. Ярославский Демидовский юридический лицей давал высшее образование, за четыре года обучения студенты проходили университетские курсы, и даже форма их одежды в ту пору была той же, что в университетах.

Иван Александрович закончил лицей со званием действительного студента и сразу же, несмотря на нездоровье (он все еще ходил с палочкой), с 15 ноября 1897 года поступил на службу, как и отец, в Костромско-Ярославское акцизное управление, сначала сверхштатным чиновником, а потом младшим штатным по питейной части контролером[31]. Служба была связана с разъездами, да и круг общения вряд ли состоял из приятных и близких по духу людей. С конца мая 1898 года его перевели в Макарьев[32].

В автобиографии он писал: «...эта служба мне не была очень симпатична, поэтому я при первой же возможности перешел на службу по своей специальности – в Окружной суд, где и прослужил с 1899 по 1906 год, когда, разочаровавшись

в юстиции и перенеся повторившийся нервный удар, я вышел в отставку, в которой я пробыл до ноября 1909 г.

Для лечения я переехал в Ленинград (тогда Петербург) и там занимался, благодаря знакомствам в писательской среде, мелкою газетною и журнальною работою, которая проходила у меня довольно удачно, благодаря знанию языков и начитанности»[33].

К сожалению, публикаций костромича обнаружить так и не удалось. В его первой биографии В.Н. Бочков предположил, что он «подписывался преимущественно псевдонимами, либо же вообще обходился без подписи – из-за своей необыкновенной скромности. По-видимому, кроме публикаций по искусству, старине и книжному делу [...] он писал статьи и информации на темы дня, но не дорожил ими, так как позднее никогда о них не упоминал»[34]. В анкетном листе советских лет И.А. Рязановский указывал: «Сотрудничал в журнале "Антиквар", изд[ававшемся] в Петрограде Н.В. Соловьевым»[35].

После выхода в отставку И.А. Рязановский живет между Костромой и Варнавином, Москвой и Петербургом. Уже давно в Костроме он был известен как знаток древностей, в доме, доставшемся в наследство жене, урожденной Звездкиной, хранилась его замечательная коллекция. Теперь он мог поступить учиться, чтобы многие знания его обрели прочный фундамент. В анкете, продолжая заполнять графу об образовании, И.А. Рязановский писал: «...прослушал курс Московского Археологич[еского] института и получил звание члена-сотрудника, прослушал курсы СПб. Археологического института»[36].

Сохранилось удостоверение Императорского археологического института от 3 марта 1908 года, подтверждающее, что его действительный слушатель направляется «в Костромскую и Нижегородскую губернии для изучения памятников старины»[37], а директор Московского Археологического института, А.И. Успенский, извещал письмом от 16 января 1913 года об избрании Рязановского «в члены-сотрудники института»[38].

Знания, полученные в институте, очень скоро пригодились. Еще в начале столетия Рязановский был приглашен к участию в Первом областном археологическом съезде[39], позже участвовал и в общероссийских. В 1909 году в Костроме должен был состояться IV областной археологический съезд. Его подготовка началась задолго до проведения. Различные учреждения готовили свои издания, посвященные Костроме и костромским древностям. Среди них был и Петербургский Императорский Археологический институт. Директор института, костромской уроженец Н.В. Покровский, готовил для специального выпуска Вестника института, посвященного съезду, большую статью о костромских святынях[40]. Для этого в июне 1908 года он приезжал в Кострому, осматривал памятники. При этом ему помогали А.Н. Черницын «с местным старожилом И.А. Рязановским»[41], которому в ту пору не было и сорока лет. Сохранилось свидетельство о том, что и позже, зимой, при подготовке статьи автор пользовался консультациями «старожила»[42].

В том же сборнике, вероятно, должна была появиться публикация Рязановского о рукописи сказания о чудесах Феодоровской иконы Божией Матери. 13 апреля Н.В. Покровский писал: «Многоуважаемый Иван Александрович, в Петербурге мы Вас не могли разыскать, поэтому я решил написать в Кострому. Сегодня я сдаю в типографию текст службы и сказания о чудесах Федоровской иконы, а оригинальную рукопись посылаю обратно в Богоявленский монастырь. Прошу вас поскорее доставить предисловие к этой статье. Если же сверх всякого ожидания Вы по болезни не в состоянии этого сделать, то потрудитесь попросить об этом И.В. Баженова»[43]. Рязановский – не смог. Зато на выставке, приуроченной к дням работы съезда, была показана отчасти богатейшая коллекция древностей, принадлежавшая И.А. Рязановскому.

А.М. Ремизов, знавший Рязановского, заметил: «В Костроме Ивана Александровича всякая собака знает, спроси на пристани любого мальчишку, живо доведет на Царевскую»[44]. В Костроме он был совершенно необходим, прежде всего, как знаток города. Поэтому к нему «наезжали петроградские гости: проездом в Кинешемский Теремок, живал у него академик Кустодиев Б.М., гостил известный этнограф М.М. Пришвин, художники Г.К. Лукомский и С.В. Чехонин»[45].

Летом 1912 года костромичи могли видеть, как «по улицам Костромы ходили два человека: известный всему городу Иван Александрович Рязановский, тяжело опирающийся на палку, и заезжий столичный художник Георгий Лукомский. У некоторых зданий Рязановский останавливал своего спутника и неторопливо, чтобы тот успел записать, рассказывал об истории дома, его

строителе и владельцах, отмечая со знанием дела архитектурные достоинства...»[46]

Георгий Лукомский, молодой художник и искусствовед, уже выпустил к тому времени книги об архитектуре Парижа и Петербурга. Кострома должна была стать первой в созданной им позже галерее портретов «губернских столиц». Именно И.А. Рязановский мог, в отличие от многих своих коллег-костромичей, оценить и новизну взгляда, и безошибочность вкуса петербургского художника. Знаточество было для костромича проявлением утонченного эстетства, образом жизни, а сам он стал феноменом культурной жизни провинциальной Костромы.

Именно такой человек необходим был Г.К. Лукомскому в его прогулках по Костроме: они были единомышленниками и делали одно дело, работая во славу провинциальной старины. Залюбовавшись тем или иным особнячком или церковкой, художник тут же получал необходимую ему информацию. Не будь И.А. Рязановского, ему бы не то, что полугода, половины жизни не хватило бы для выяснения времени создания истории зданий, имен владельцев, житейских подробностей, которые так украсили текст. Письма опять же свидетельствуют о том, что И.А. Рязановский и после отъезда столичного гостя помогал ему в подборе иллюстраций, уточнял некоторые сведения.

Прогулки продолжились и по окончании лета. В тексте книги художник напишет: «Зимой Кострома очень красива, но осмотр церквей в это время очень затруднителен, так как большинство старинных церквей Костромы "летние", т.е. холодные, не отапливаемые, и подробно осматривать ризницы, фрески и иконы в запертых храмах, при морозной температуре невыносимо трудно»[47]. Написано явно с учетом собственного печального опыта.

Лукомский здесь простыл, больным уехал в Петербург, а, выздоровев, сообщил об этом костромскому знакомому. «Рад, очень рад, что Вы поправились от Вашего плеврита, полученного в нашей милой Костроме. Слава Богу!» –откликнулся И.А. Рязановский[48]. Позже, читая уже готовую книгу, Рязановский ее одобрил, уточнив лишь, что «на стр. 321 розовый домик не Янцевой, а Янцен (бывший пом[ещика]) Корнилова – жена нарочно ходила справлялась)»[49].

Между тем в ноябре 1909 года Рязановский снова вернулся на государственную службу, но уже более спокойную, секретарем Костромского губернского присутствия. Служба позволяла ему уделять время и силы занятиям археологией и краеведением. Он прослужил в этой должности до октября 1912 года, после чего вышел на пенсию и вплотную занялся устройством музея[50].

Фундамент Романовского музея Костромской губернской ученой архивной комиссии был заложен еще 21 июня 1909 г., в ходе работы IV областного археологического съезда в Костроме. И.А. Рязановский стал правителем дел комиссии, что соответствовало современной должности ученого секретаря, активно работал над созданием экспозиций Романовского музея

Сохранилось отношение, выданное И.А. Рязановскому «для работы в архивах, музеях, библиотеках по Романовской тематике в связи с работой Романовского отдела КГУАК и Комитета по сооружению в Костроме памятника трехсотлетию Дома Романовых»[51]. Для поисков материалов о Романовых и Смутном времени он был командирован комиссией в Скандинавию, где, по его собственному признанию, «слушал лекции по Архивоведению и Археологии и истории в Университете в Упсале в Швеции»[52]. В его архиве сохранились две тетрадочки с расшифровкой рукописей, датированные 1911 годом[53].

Когда здание Романовского музея было почти уже построено, именно И.А. Рязановский стал его первым критиком, отмечая тяжеловесность и эклектичность проекта Н.И. Горлицына. Газеты стали помещать фельетоны об «уродливом» здании, комиссия вынуждена была давать объяснения[54].

И.А. Рязановский в качестве правителя дел КГУАК, по собственному его признанию, «в один год ***единолично*** (выделено И.А. Рязановским. – *Л.С.*) устроил и организовал» Романовский музей комиссии[55]. Последнее утверждение, по меньшей мере, несправедливо. Перед открытием в 1913 году постоянной экспозиции во вновь отстроенном здании была проведена большая работы, в которой принимали участие многие члены комиссии и не только они.

В 1910 году в Кострому был назначен новый губернатор – П.П. Шиловский. Уже в советское время о нем было написано «единственный в своем роде губернатор-инженер Шиловский»[56]. Дело было не только в том, что он был инженером, изобретателем гидроскопических приборов, но и в том, что он был большим либералом, умел орга-

низовывать вокруг себя единомышленников, поддерживал пострадавших за политические убеждения.

Любой губернатор был непременным попечителем КГУАК, но не всякий действительно опекал комиссию. П.П. Шиловский вскоре после своего прибытия в Кострому отправил письмо министру финансов с просьбой о субсидии на собирательскую работу «путем поездок членов комиссии по губернии и личного осмотра»[57]. Незадолго до празднования его переместили в Олонецкую губернию, и лавры пожинал камергер Его Императорского Величества Двора П.П. Стремоухов.

Была ли выделена запрошенная Шиловским субсидия, установить не удалось, но В.А. Андроников выезжал в Галич и его уезд, Н.Н. Виноградов – в Юрьевецкий, Кинешемский и Костромской уезды, П.Н. Виноградов – В Кологривский, Чухломской и Солигаличский, И.М. Студитский и Н.Н. Виноградов – в Буйский, В.Н. Кларк и И.А. Рязановский – в Макарьевский уезды. К этой работе был привлечен даже живший в Петербурге Н.В Покровский, специально обследовавший Нерехтский, Буйский, Галичский и, возможно, другие уезды на предмет церковных древностей[58].

И.А. Рязановский принимал в этой работе самое активное участие. Как правитель дел, возможно, он был главным координатором, но и здесь не только он. Кроме него, за устройство музея отвечал чиновник особых поручений при губернаторе, принятый на эту должность специально для подготовки юбилейных торжеств, – Н.Н.Виноградов[59]. Собственно, они вдвоем давали пояснения последнему императору России Николаю II 19 мая 1913 года, когда тот стал первым посетителем Романовского музея.

Вместе с другими членами комиссии, принимавшими участие в строительстве экспозиции, императору была представлена А.П. Рязановская, «много потрудившаяся для устройства и размещения коллекций музея»[60]. Оба супруга получили в награду за труды золотые часы, но Иван Александрович, кроме того, был награжден знаком, который свидетельствовал, что торжества в Костроме для него не завершились: он уехал в Петербург и там еще раз приносил личные поздравления императорской чете. За труды по созданию музея он был награжден орденом Станислава III степени[61].

И снова Рязановский живет между Костромой и Петербургом. В Костроме остается большая часть коллекций, в Петербурге – друзья.

Еще около 1908 года в Петербурге И.А. Рязановский познакомился с М.М. Пришвиным. Уроженец Ельца, молодой агроном был на несколько лет моложе костромича[62]. У него за плечами было уже исключение из гимназии за конфликт с учителем В.В. Розановым, учеба в Тюмени, Риге и Лейпциге. В 1906–1907 годы Пришвин опубликовал свои первые литературные опыты и вошел в петербургский литературный круг[63]. Первая книга путевых очерков писателя «В краю непуганых птиц», изданная в 1907 году, принесла ему известность и серебряную медаль Императорского географического общества.

Рассказы Рязановского о своих родных местах подвигли его на путешествие на восточную окраину Костромской губернии. Пришвин писал в Кострому в ноябре 1908 года: «Я приеду к Вам в мае за черным богом. План такой: пробыв у Вас некоторое время, отправиться в Варнавинские дебри, устроиться, выписать семью и провести в Заволжьи до осени, спокойно почитывая, пописывая и наблюдая. Выйдет как на даче плюс аромат незнакомых мне мест и Ваше соседство»[64].

План удалось осуществить, и в одном из следующих писем, датированных 10 июня (вероятно, 1909 года) Пришвин писал: «Дорогой Иван Александрович, сейчас, сию минуту, нога моя коснулась земли Варнавина и… утонула по колено в грязи…. отдал чистить сапоги [и] одежду и в ожидании пишу Вам о первых впечатлениях»[65].

Через десять дней он писал уже со Светлого озера и подводил итоги поездки: «Путешествие мое вышло очень занятное, множество знакомств, множество впечатлений и маленьких испытаний. После этой поездки мне стоит лишь обложиться соответств[ующей] литературой и через месяца два я мог бы быть совершенно в курсе вопроса, поднятого Мережковским и К°.[…] Как нечто серьезное я ощутил Австрийскую "веру"[66]. Если не будет новых скандалов, то она грозит быть вторым православием…»[67] Результатом работы стала книга «Невидимый град», лист корректуры которой приложен к письму от 27 июля 1909 года[68].

Очень скоро они узнали и А.М. Ремизова, который был еще младше своих новых знакомых[69]. Ремизов вспоминал: «А познакомил меня с этим необыкновенным человеком М.М. Пришвин, счастливый на встречи как с птицей и зверем, так и с человеком»[70].

У Ремизова в том же 1907 году вышли первые книжки, они назывались «Посолонь» и «Лимонарь, сиречь: Луг духовный». Ремизова и Рязановского связали не просто дружеские отношения, это было особое «сродство душ» и общность интересов. Не случайно именно Ремизову рассказал «костромской старец» о своих большесольских намеренно забытых корнях.

В своей «книге узлов и закрут» «Подстриженными глазами» (1951) Ремизов посвятил костромичу главу «Книжник», исполненную восторга перед этим хранителем «древнего лада» – «лада красного звона и знаменного распева»[71]. Он писал: «При всех своих необозримых познаниях в истории и археологии, Рязановский кроме обязательной юридической работы при окончании Ярославского Демидовского лицея не написал ни одной строчки – явление едва ли не только наше только, русское! – но изустному слову которого обязаны в своем чисто "русском", что останется навсегда, и Чехонин и Кустодиев, а через Кустодиева Замятин в его лучшем – "Русь"; знаю, что и М.М. Пришвин добрым словом вспоминает "костромского старца", и для Г.К. Лукомского имя "Рязановский" не безразлично.

Значение изустного слова Рязановского в возрождении "русской прозы" можно сравнить только с "наукой" самого из всех "знающего" громокипящего Вячеслава И. Иванова в возрождении "поэзии" у стихотворцев»[72].

С упоением вспоминал Ремизов о пребывании в Костроме, в гостях у Рязановского: «и мне довелось проводить ночи на Царевской в рязановском книгохранилище»[73]. «За неделю среди книжных сокровищ я не то что выкупался, а прямо сказать, выварился в книгах. В эти незабываемые дни не могло быть и речи заснуть. Сам бессонный хозяин подымал меня ни свет, на заря, да и среди ночи, вдруг вспомнив о каком-нибудь замечательном первом издании или рукописной, мне очень полезной книге, он входил ко мне со свечой по-ночному в халате с уцепившимися и висевшими на концах пояса котятами, от которых он отбивался, но не руками, занятыми книгой и свечой, а своим костромским окликом с торжественным "о". Уткнувшись в книгу и уже забыв обо мне, он вычитывал восхищавшие его строки или, оглядывая книгу через двойные очки, принимался рассказывать историю ее, припоминая мелочи покупки и о собственнике-предшественнике и тоже книжнике. За семь дней и семь ночей я узнал о книге не как о библиотечном явлении, но о книге в ее сущности, о книге "в себе самой", и понял, что такое книжник в царстве своих книг. Ведь, не будь Александры Петровны, он и о еде не вспомнил бы, да и я просидел бы голодом. Только мне было все равно: я сам весь был в книге»[74].

С утверждением Ремизова о том, что Рязановский ничего не написал, кроме выпускного сочинения в лицее, можно поспорить. В списке трудов советских лет он указывал все-таки «Историческую справку по вопросу о проведении реформ 19го февраля 1861 г. в Костромской губернии», написанную совместно с Н.Н. Виноградовым в 1911 году, и путеводитель по Романовскому музею[75]. А.П. Рязановская в 1960 годы рассказывала В.Н. Бочкову, что на вопрос, почему Иван Александрович не пишет, он всегда отвечал, что для человека, который слышит музыку небесных сфер, это не имеет смысла.

И все же главным печатным трудом костромича стали четыре выпуска оттисков собранной им коллекции пряничных досок[76]. Они были напечатаны необычайно малым тиражом, без расчета на продажу. Именно с этим изданием связано письмо А.А. Блока Рязановскому от 21 сентября 1913 года: «Глубокоуважаемый Иван Александрович, слышал от А.М. Ремизова, что Вы приступили к изданию новых оттисков Костромских деревянных досок. Если бы Вы нашли возможным прислать их мне, я был бы Вам очень благодарен. Решаюсь обратиться к Вам с такой просьбой потому, что издание это Вы не предназначаете для продажи, и потому, что первый выпуск у меня есть и составляет украшение моей небольшой библиотеки. Примите уверение в искреннем моем уважении и преданности Вам Александр Блок»[77].

В то же время в обмен на издание оттисков И.А. Рязановский приобретал рисунки Г.К. Лукомского и близких ему художников – Г. Нарбута, И. Билибина, Н. Рериха и других. «…еще посылаю по три экземпляра альбома, – писал костромич Лукомскому, – может быть, он приглянется кому-либо из Ваших знакомых и они возьмут на обмен по 1 альбому за рисунок или акварель, так как, хотя я и очень болен, а все-таки собираю акварели и рисунки современных художников»[78].

С отзывом А.М. Ремизова на это издание связан один из скандалов, которыми была так богата газетно-журнальная жизнь Петербурга той поры. Эта история была отражена А.М. Ремизо-

вым в альбоме, который он собрал и подарил И.А. Рязановскому 7 августа 1915 года[79]. Наряду с рисунками и подписями составителя, выполненными характерной для него затейливой имитацией скорописи, там вклеены газетные и журнальные вырезки, фотографии друзей и знакомых.

Суть изложил сам Ремизов: «Нынче перед Пасхой приехал к нам из Костромы Иван Александрович Рязановский. С этого все и пошло. [...] Я решил написать о нашем почитаемом старце и о трудах его, одобренных самим Философовым»[80]. И далее: «Заметку мою под названием "Лес пошел" я отдал Владимиру Николаевичу Гордину для "Вершин". Издатель Д.М. Гутзац отказал, и этот отказ решил уход Гордина из "Вершин", где он заведывал литературной частью журнала. О выходе своем он напечатал письмо, и мы, приглашенные им, ничего не нашли лучшего сделать, как тоже уйти. [...] Уходя из редакции "Вершин", Владимир Николаевич Гордин лишился заработка, а получал он 150 рб. в мц. Владимир Николаевич так должен был поступить, ревнуя о достоинстве русского писателя»[81]. Ушли вслед за Гординым и Ремизовым – А. Ахматова, А. Блок, Ю.Н. Верховский, З. Гиппиус, Вяч. Иванов, Д. Мережковский, Н. Рерих, Г. Чулков, Ф.И. Щеколдин и другие.

Сама заметка-«виновница» была опубликована в «Новом журнале для всех» в апрельской книжке за 1915 год: «Хвала и честь собирателю и издателю! Его труд – вклад золотой в книжную казну русского народа и имеет, как сказал однажды сам Философов, большое значение для истории русского искусства. В четырех костромских выпусках и в ярославском даны образцы русского народного орнамента. Раскроешь альбом, и глаза у тебя, как у зайчика, разбегутся. И чего только нет там, в этих альбомах, какие там лютые звери – львы усатые, кони, коньки, куры и сам журынька-журавь наш и самовар-пыхтун и пароход-трубач, цветы тюльпаны-розаны и другие цветы морозовые, царский миндаль, пряник Осокина, пряник Подошвенникова, павлины, птица райская, рыбы, петухи, сирины и олени златорогие, и мельницы крылатые. А есть блюдо, на блюде рыба, рюмка и нож с вилкою – закуска. А есть и п о д о р о ж и е (молитва отпускная, что покойнику в гроб кладут) с венчиком – подвижника старца Пахомия из Красноярского скита. В последнем, IV–ом выпуске, только что вышедшем, вы найдете формы (манеры) для набойки, а к II–III выпуску приложен в моем экземпляре портрет собирателя: как живой смотрит Иван Александрович, только что заговорить не может»[82].

Рязановский окончательно перебирается в Петербург. «И вот, – писал в 1915 году Ремизов, – после полувекового труда и пустынного жития в дебери костромской, как некогда огненный старец Епифаний, благословившись у Воскресения Христова, что на Нижней Дебре, снялся Иван Александрович с родимого гнезда, и уже не ищите его нынче на Царевской, не спрашивайте, тут он, на Золотоношской у Комарова в доме, на котором доме шпиль, на шпиле серебряное яблоко и слышно, как куры поют»[83].

Костромич окончательно и бесповоротно попадает в игровое пространство, которое, подобно вихрю, создал вокруг себя Ремизов: «Есть у меня потребник Филаретовский – дар дебренского старца и князя обезьяньего Иоанна Рязановского»[84].

Обезволпал – «Обезьянью великую и вольную палату» – А.М. Ремизов придумал, когда маленькая племянница попросила «сделать ей такое, чего ни у кого нет»[85]. Он «сделал ей обезьяний знак "для ношения тайно"». Детская игра вспомнилась, когда в 1908 году писатель работал над «Трагедией об Иуде, принце Искариотском» для Старинного театра Н.Н. Евреинова и Н.В. Дризена, столь характерного для Серебряного века театра-призрака былых эпох, в котором приняли участие многие художники объединения «Мир искусства». В пьесе обезьяний царь Асыка награждал обезьяньими знаками. Очень характерный для начала века путь от детской игры к произведению искусства, а оттуда – в жизнь, в игру для взрослых, и снова – в искусство, такое мерцание игры – жизни.

Ремизов писал: «После постановки "Иуды" знаками были награждены Ф.Ф. Комиссаржевский, Зонов и Сахновский. Понемногу вырабатывалась и "конституция" обезволпала – главным советчиком был обезьяний "кодификатор" проф. уголовного права М.М. Исаев и археолог И.А. Рязановский – князья обезьяньи»[86].

В хорошую компанию попал костромич, причисленный к обезьяньим князьям. Туда же входили А. Блок, А. Белый, П.Е. Щеголев, Л.И. Шестов, Р.В. Иванов-Разумник, Ю. Балтрушайтис, И.И. Замятин, М. Горький, И.А. Бунин[87]. В старейшие кавалеры ордена был возведен с награждением обезьяньим знаком В.В. Розанов. Он «сразу

ничего не понял, ошеломился, а потом спросил: "А кто еще старейший у тебя в палатке?"» Ремизов начал перечислять, но остановился: «побоялся сразу вводить во все обезьяньи тайны: "обезволпал есть общество тайное"».

Направляя к костромичу на петербургский его адрес одного «странного человека», П.Н. Потапова, Ремизов рекомендовал хозяина следующим образом: «И.А. Рязановский, – сказал я, – археолог, великий князь обезьяний, носит электрический пояс. Ему и книги в руки. Ступайте. [...] И.А. Рязановский до возведения в князья обезьяньи был и судьей, и следователем и при губернаторе состоял, но как-то так случалось, за поперечность верно и самовольное, в наградах и чинах его обходили, и за всю свою долгую службу имел он один единственный орден, а чин самый маленький»[88].

За ношение «электрического пояса» – вероятно, это был вариант электропроцедур, столь модных в ту пору надежд на технический прогресс, Рязановского частенько звали «электрическим старцем».

Может быть, так и остался бы князь обезьяний человеком свободным, да грянула революция.

Когда прошла эйфория февраля, М.М. Пришвин «помятый и всклокоченный», вернулся из Таврического дворца, где «решалась судьба России», с пряниками – «И не хлеб, пряников принес – настоящих пряников, медовых!»[89] Это время сосед Пришвина А. Ремизов определил как «смутные обнадеживающие Керенские дни революции». Потом наступили, по его же выражению, «беспросветные вечера опыта механизации живой человеческой жизни»[90]. И все это время – «Рязановский был нашим всегда желанным и неизменным, верным гостем»[91]. Нашим – это Пришвина и Ремизова.

Медовые пряники отошли. «Всякую субботу к нам приходит археолог И.А. Рязановский, я его кормлю крошками, собранными за неделю, он ночует в моей серебряной комнате с игрушками, и в воскресенье я его провожаю до Николаевского моста. Когда-то мы вели с ним археологические разговоры ("страсть к археологии, по его мнению, есть любовь к современности!"), а с каждой субботой все меньше об археологии и больше о продовольствии, очередях – и как надо брать все "урывом" и "с наскока"»[92].

И вот, летом 1917 года опытный архивист И.А. Рязановский, чтобы доставить себе средства к существованию, должен был снова служить[93]. Он вспоминал: «С 25 июня 1917 года определен на службу по Министерству Юстиции, откомандирован в Главное Управление местами заключения в III Делопроизводство» – «до 27 апреля 1918 г., когда по случаю сокращения штатов остался без места и перешел на службу в Главный Единый Гос. Фонд архивариусом 23 разряда»[94].

Необходимо упомянуть о многообразной деятельности Рязановского в самые трудные первые годы новой власти в Петрограде. В костромском архиве сохранился конспект лекций по истории искусства – «О стиле. Программное пособие для чтения лекций на курсах мастерства сценических постановок»[95]. Эти курсы организовал В.Э Мейерхольд. В ту же пору Рязановский по заданию Наркомпроса участвовал в сборе материалов по истории театра в России под руководством В. Всеволодского-Гернгросса[96], был членом Русского историко-генеалогического общества, преподавал в Институте восточных народностей, причем выяснилось, что среди множества прочих языков он знаком и с японским[97].

И все же главной для него оставалась служба в архиве. С. Лемке шутливо написал 25 марта 1919 года: «Как рано ни придешь в архив Особого отдела, всегда видишь на месте Ивана Александровича, любезно готового служить интересам русских ученых, столь надоедливых и докучливых. Спасибо ему!»[98] Осенью 1919 года было уже не до докучливых ученых, о чем свидетельствует удостоверение от 21 октября этого года. «Предъявитель сего архивариус Историко-Революционного архива Рязановский Иван Александрович согласно распоряжения Военного Совета (Комитет Обороны) от 30 октября 1919 г. назначен на срочные работы по эвакуации секретных отделов названного архива и на иные работы не может быть привлекаем»[99].

В автобиографии он разъяснил детали: «...служил до перехода этого учреждения в Москву, куда я не пожелал ехать, а через два месяца поступил на службу по своей специальности в Отделение Центрального архива РСФСР научным сотрудником и служил до 1920 года, когда голод вынудил меня вернуться в Кострому»[100].

В Костроме снова пришлось искать службу. И.А. Рязановский устроился в костромское Губархивбюро, которое располагалось на ул. Симановского в здании бывшего уже Богоявленского

монастыря. Он писал: «Работа заключается в научном систематическом разборе архивов, перевозке, сохранении и учете их, в составлении описей и подготовке архивов для научного пользования»[101].

Жили они с Александрой Петровной в том же старом родительском доме, только Цареконстантиновская улица стала Пролетарской. Их, разумеется, уплотнили, и места для любимых коллекций стало не хватать. Осенью 1921 года в помещении бывшего Романовского, а теперь Музея местного края была открыта выставка книжных знаков, в основе которой лежало собрание И.А. Рязановского [102]. Но основные коллекции пришлось понемногу передавать в Музей местного края.

Иван Александрович умер 30 марта 1927 г.[103]

После смерти мужа Александра Петровна Рязановская связала свою жизнь с музеем, который он когда-то основал. В ноябре 1927 года, когда ее зачисляли «наблюдательницей»[104], об этом еще помнили и заведующий В.И. Смирнов, и его коллеги. После разгона Костромского научного общества пришли сотрудники, которых мало интересовали не только «прежние люди», но и музейное собрание.

Она долгое время хранила музейную библиотеку. Однако смотрительское жалованье всегда было невелико. Тогда вдова потихоньку начала продавать в музей свою коллекцию шитых картин, а в трудные послевоенные годы передала в картинную галерею и часть графического собрания мужа[105]. М.М. Пришвин, один из немногих прежних знакомцев оставшийся на родине в живых, собирался перебраться под Кострому – в Подмосковье становилось слишком шумно[106]. Он помогал А.П. Рязановской пристроить архивы. Летом 1937 года письма Б.М. Кустодиева взяли сотрудники Третьяковской галереи, но впоследствии они были переданы в Государственный архив литературы и искусства[107].

Весной тяжелого послевоенного 1947 года увезли основную часть архива в Москву, в Государственный литературный музей, но долго не могли договориться об оплате[108]. А жизнь продолжалась, из родительского дома пришлось переехать в богадельню, деликатно называемую Домом престарелых. Молодежь – Дедковы, Бочковы навещали – пытались как-то помочь в решении возникавших проблем, но старость все равно никто не мог отменить. Она прожила почти 93 года и передала молодым право ***надвязывать***.

А дом 20 на проспекте Текстильщиков стоит и сегодня. Только сейчас он обветшал, краска облупилась, на нем висит растяжка – «продается». Значит, и наша вина: люди забыли, кто жил, что хранил, кто бывал… Надо снова напоминать. ***Надвязывать.***

Примечания

[1] *Дедков И.* Эта земля и это небо. Кострома, 2005. С.38. Александра Петровна Рязановская (1880–1973) – вдова И.А. Рязановского.

[2] Там же.

[3] О нем подробнее см.: Костромская старина. 2007. № 20.

[4] *Бочков В.* История одного дома // Северная правда (Кострома). 1960. 27 июля. *Бочков В.* Щедрость души // Влюбленность. Ярославль, 1969. С.121–146.

[5] Государственный архив Костромской области (далее – ГАКО). Ф. р-107. Оп.3. Д.6.

[6] ГАКО. Ф. р-107. Оп.3. Д.14.

[7] ГАКО. Ф. р-107. Оп.3. Д.28.

[8] ГАКО. Ф. р-107. Оп.3. Д. 2. Л.1 об.

[9] Отдел рукописных фондов Государственного литературного музея (далее – ОРФ ГЛМ). Ф.19. Оп.1. Д. 73.

[10] Алексей Ремизов. Россия в письменах. Берлин: «Геликон», 1921; N.Y. 1982.

[11] ОРФ ГЛМ. Ф.19. Оп.1. Д. 73. Л. 1.

[12] Там же. Л. 4.

[13] ГАКО. Ф. р-107. Оп.3. Д.27.

[14] ГАКО. Ф. р-107. Оп.3. Д.27. Л. 5–6.

[15] ОРФ ГЛМ. Ф.19. Оп.1. Д. 73. Л. 1.

[16] ОРФ ГЛМ. Ф.19. Оп.1. Д. 73. Л. 5.

[17] ОРФ ГЛМ. Ф.19. Оп.1. Д. 73. Л. 5.

[18] ОРФ ГЛМ. Ф.19. Оп.1. Д. 73. Л. 5.

[19] ОРФ ГЛМ. Ф.19. Оп.1. Д. 73. Л. 4.

[20] Там же. Л. 5.

[21] ГАКО. Ф. р-107. Оп.3. Д.2. Л.17.

[22] [Крживоблоцкий, Я.]. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Т. XXIX: Костромская губерния. СПб.: тип. Н. Тиблена, 1861. С. 439.

[23] ГАКО. Ф. р-107. Оп.3. Д.2. Л.17.

[24] ГАКО. Ф. р-107. Оп.3. Д.2. Л.17 об.

[25] Там же. Л. 17.

[26] Василий Васильевич Берви (псевдоним Н. Флеровский) (1829–1918) российский социолог, экономист, публицист, беллетрист, представитель русского утопического социализма, участник общественного движения 1860–1890 годов.

[27] *Бочков В.* Щедрость души. С. 125–126.

[28] ГАКО. Ф. р-107. Оп.3. Д.2. Л.2.

[29] ГАКО. Ф. р-107. Оп.3. Д.2. Л.16.

[30] ГАКО. Ф. р-107. Оп.3. Д.2. Л.17.

[31] Там же, л. 1 об.

[32] ГАКО. Ф. р-107. Оп.3. Д.1.

[33] Там же Л. 17-17 об.

[34] *Бочков В.* Щедрость души. С. 129.

[35] ГАКО. Ф. р-107. Оп.3. Д.2. Л. 9.

[36] ГАКО. Ф. р-107. Оп.3. Д.2. Л.7.

[37] ОРФ ГЛМ. Ф.19. Оп.1. Д.58.

[38] ОРФ ГЛМ. Ф.19. Оп.1. Д.61.

[39] ГАКО. Ф-107. Оп.3. Д.27.

[40] *Покровский Н.В.* Памятники церковной старины в Костроме // Вестник археологии и истории, издаваемый Императорским Археологическим институтом. Вып. XIX. СПб. : синод. тип., 1909. С. 1–58.

[41] Вестник археологии и истории, издаваемый Императорским Археологическим институтом. Вып. XIX. СПб. : синод. тип., 1909. С.II.

[42] ГАКО. Ф-107. Оп.3. Д.11. Л.2-3.

[43] ГАКО. Ф-107. Оп.3. Д.11. Л.4.

[44] Там же. Л. 12.

[45] Там же.

[46] *Бочков В.Н.* Щедрость души. С. 122.

[47] [Лукомские, В. К., Г. К.] Кострома : Исторический очерк В. К. Лукомского и описание памятников художественной старины Г. К. Лукомского. СПб. : изд. общины св. Евгении Красного Креста, 1913. С. 352.

[48] Отдел рукописей Государственного русского музея (далее ОР ГРМ). Ф. 109. №129. Л.4.

[49] ОР ГРМ. Ф.109. №129. Л.1 об.

[50] ГАКО. Ф.179. Оп.3. Д.2. Л.3 об.-5.

[51] ГАКО. Ф.179. Оп.3. Д.4. Л.4.

[52] ГАКО. Ф. р-107. Оп.3. Д.2. Л.7.

[53] ОРФ ГЛМ. Ф.19. Оп.1. Д.1.

[54] Наша Костромская жизнь. 1910. №№12, 17, 21; ГАКО. Ф. 133. Б/ш. № 1166. Л. 4. См. также: *Давыдова Г.* «Хранилище драгоценностей, пощаженных всесокрушающим временем...» // Костромская старина. 1993. №4. С. 34–35.

[55] ГАКО. Ф.р. -107. Оп.3. Д.2. Л.7 об.

[56] Наши кандидаты // Воля народа. Кострома, 1917. 18 октября; см. также: *Черненко Г.* Чудо-поезд губернатора Шиловского // Губернский дом. Кострома, 1994. №2 . С. 21–24.

[57] ГАКО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 10. Л. 23.

[58] Там же, Л. 27; ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 4. Л. 15. Д. 22 (микрофильм). Л. 78-86.

[59] Государственный архив новейшей истории Костромской области. (ГАНИКО). Ф. 3656. Оп. 2. Д. 2413-с. Л. 5 об.

[60] *Виноградов Н.* Празднование трехсотлетия Дома Романовых в Костромской губернии 19–20 мая 1913 года. [Репринт 1993 г.] Кострома : губернская тип., 1914. С. 80.

[61] ГАКО. Ф.р-107. Оп.3. Д.2. Л.1 об.

[62] 1873–1954.

[63] *Шкловский Е.А.* Пришвин Михаил Михайлович [Электронный ресурс] // Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. М. : Большая Российская энциклопедия, 2008.

[64] ОРФ ГЛМ. Ф.19. Оп.1. Д.33. Л .1 -1 об.

[65] Там же. Л. 8.

[66] Пришвин имеет ввиду распространение старообрядчества австрийского согласия.

[67] Там же. Л. 13.

[68] ОРФ ГЛМ. Ф.19. Оп.1. Д.36. Л .3.

[69] *Ремизов Алексей Михайлович* (1877–1957) – русский писатель.

[70] *Ремизов А.М.* Подстриженными глазами. Париж, 1951. С. 154. Режим доступа: Некоммерческая электронная библиотека «ImWerden» http://hghltd.yandex.net/yandbtm?url

[71] *Ремизов А.М.* Подстриженными глазами. С. 153.

[72] *Ремизов А.М.* Подстриженными глазами. С. 154.

[73] ОРФ ГЛМ. Ф.19. Оп.1. Д.71. Л .12.

[74] *Ремизов А.М.* Подстриженными глазами. С. 155.

[75] Историческая справка по вопросу о проведении реформ 19го февраля 1861 г. в Костромской губернии / Н. Виноградов, И. Рязановский. Кострома: губернская тип., 1911; Краткий путеводитель по Романовскому музею в Костроме / КГУАК, сост. И. Рязановский. Кострома : губернская тип., 1912.

[76] Альбом оттисков Костромских деревянных резных досок. Собрал и издал Иван Александрович Рязановский. Кострома. Печатано в Костромской Губернской типографии. Вып.I, 1912, 37 экз.; вып. II- III, 1913, 70 экз.; вып. IV, 1915, 30 экз. – не для продажи. Альбом оттисков Ярославских пряничных досок. Вып I, 1914, 50 экз. – не для продажи.

[77] ОРФ ГЛМ. Ф.8. Оп.1. Д.43

[78] ОР ГРМ. Ф.109. № 129. Л. 1об.

[79] ОРФ ГЛМ. Ф.19. Оп.1. Д.71.

[80] Дмитрий Владимирович Философов (1872–1940) – видный литературный и художественный критик, писатель, журналист, участник религиозно-философского движения, видный политический и государственный деятель.

[81] ОРФ ГЛМ. Ф.19. Оп.1. Д.71. Л.л. 3,4,6 об.

[82] Там же, л. 11.

[83] ОРФ ГЛМ. Ф.19. Оп.1. Д.71. Л.12.

[84] *Ремизов А.М.* Россия в письменах // Русь (Ростов). 1992. №3. С. 97.

[85] *Ремизов А.М.* Царевна Мымра. Тула, 1992. С. 243.

[86] Там же.

[87] Ремизов А.Взвихренная Русь. М., 1990. С. 381.

[88] Там же. С. 286–287.

[89] Там же. С.62.

[90] Ремизов А.М. Подстриженными глазами. С. 154.

[91] Там же.

[92] *Ремизов А.* Взвихренная Русь. С. 242.

[93] ГАКО. Ф. Р. 107. Оп. 3.Д. 2. Л. 5.

[94] ГАКО. Ф. Р. 107. Оп. 3.Д. 2. Л. 15.

[95] ГАКО. Ф. Р. 107. Оп. 3.Д. 8.

[96] ОРФ ГЛМ. Ф.19. Оп.1. Д.63.

[97] *Бочков В.Н.* Щедрость души. С.144.

[98] ОРФ ГЛМ. Ф.19. Оп.1. Д.72.

[99] ОРФ ГЛМ. Ф.19. Оп.1. Д.67.

[100] ГАКО. Ф. Р. 107. Оп. 3.Д. 2. Л.17 об.

[101] ГАКО. Ф. 548. Оп.1. Д.23. Л.7.

[102] Выставка книжных знаков // Еженедельник искусств (Кострома). 1921, 7–15 ноября, №2. С. 28–29.

[103] И.А. Рязановский. [Некролог] // Известия Центрального бюро краеведения (СПб.) 1927. № 4. С. 137.

[104] ГАКО. Ф. 548. Оп.1. Д.23. Л.80.

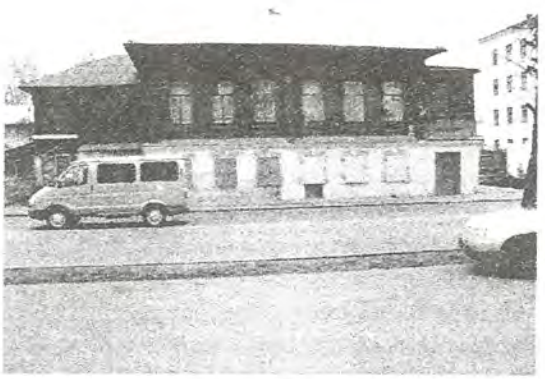
[105] Жукова Л. «Дорогому Ивану Александровичу...» / / Костромская старина. 1998. №10–11. С. 64.

[106] Письма М.М. Пришвина / Публикация В.Н. Бочкова // Северная правда (Кострома). 1961. 14 октября.

[107] Государственная Третьяковская галерея. Ф. 19. Российский государственный архив лтитературы и искусства. Ф. 851. ГАКО. Ф.р.-107. Оп.3. Д.20.

[108] ГАКО. Ф.р.-107. Оп.3. Д.21.

И.А. и А.П. Рязановские. 1910-е гг.



Текстильщиков. 20. Дом Рязановских сегодня

Дом Рязановских продаётся.

Ваши альбомы пряников отдал всё. Я единственному Рёриху не отдавал долго, держал у себя, чтобы показывать (а свой спрятал, кажется!).

Фрагмент письма Алексея Михайловича Ремизова – Ивану Александровичу Рязановскому. 6 января 1913 г.